

Чжэн Далян, припрятав серебряные билеты, напрямик направилась в аптеку.

Власти наконец доставили часть лекарственных трав, собранных из внешних округов, что позволило немного сбить остроту дефицита в округе Цанчжоу. Однако из-за огромного спроса цены оставались пугающе высокими.

Двадцать восемь лянов серебра удалось обменять лишь на тридцать две порции лекарства, и то лишь потому, что Далян была хорошо знакома с аптекарем, и тот сделал ей скидку.

Она несколько раз со слезами умоляла врача отправиться с ней, но тот, опасаясь разбойников на дорогах, наотрез отказался выезжать.

Делать было нечего. Чжэн Далян крепко привязала свертки с травами к груди, взяла в руки длинную палку и, разогнав по пути к городу нескольких мародеров, пулей помчалась домой. Когда она добралась до места, то не только обливалась потом, но и обнаружила на лице и руках несколько синяков.

Принесенные лекарства Далян разделила, выделив Ши Цяо шесть порций. Не то чтобы она не хотела проявить большую щедрость, просто не могла себе этого позволить.

Шесть порций — это шесть лянов серебра. Если бы его брат не заложил фамильную реликвию, им пришлось бы полгода рубить дрова, не зная отдыха и почти не питаясь, чтобы собрать такую сумму!

В беде познается истинная дружба. Ши Цяо был безмерно благодарен и про себя поклялся: пока у него будет хоть кусок хлеба, он не даст семье своего брата голодать.

Чжэн Далян, волоча ноги от усталости, вернулась домой. Старшая сестра тут же принесла горячей воды, чтобы та могла обмыться.

Когда Далян сняла верхнюю одежду, обнажив хрупкое тело, чтобы нанести лекарство на ссадины, Чжэн Эрнянь невольно прослезилась. Ведь это совсем юная, на вид такая слабая девушка — словно знатная барышня, волею судеб оказавшаяся в изгнании, — взвалила на свои плечи все тяготы их семьи.

Сдерживая слезы, Эрнянь проговорила:

— Может быть... мне тоже пойти поискать какую-нибудь работу?

— Нет! — тут же отрезала Чжэн Далян.

Случившееся в прошлый раз до сих пор вызывало у нее дрожь. К тому же времена были суровы

к женщинам: мест, где их могли нанять, было ничтожно мало, а за многими из них скрывалась такая грязь и низость, о которых и говорить было противно. Если бы Эрнян могла найти достойную работу, разве она ждала бы до сих пор?

Почувствовав, что была слишком резка, Далян смягчила тон:

— Сестрица, твое присутствие дома необходимо. Если ты уйдешь, кто присмотрит за дедушкой и остальными? Не волнуйся, этих лекарств нам на какое-то время хватит. А если совсем прижмет — у нас ведь остался слиток чистого золота, верно? Я обязательно что-нибудь придумаю, поверь мне.

Когда на маленькой угольной печке закипел новый отвар, сестра отнесла его дедушке Саньчжу, а Далян принялась за готовку. Но не успела она разжечь огонь в очаге, как прибежала взволнованная сестра. Схватив Далян за рукав, она прошептала:

— Дедушка не хочет пить лекарство! Как я его ни уговаривала, он и слушать не желает! Далян, сходи сама, посмотри!

Чжэн Далян в три прыжка оказалась в хижине деда. Тот полулежал на кровати, плотно закрыв глаза, и упрямо повторял:

— Не буду пить! Оставьте Саньчжу!

— Дедушка, ну как же вы встали? Ложитесь скорее. Все хорошо, у Саньчжу есть лекарство! Я нашла способ заработать, вы пейте, а как допьете, я еще добуду! — Далян, опасаясь, что от волнения у него перехватит дыхание, поспешила его успокоить.

Услышав это, старик лишь сильнее разозлился и с силой ударил по подушке:

— Не обманывай меня! Какой честный способ может принести тридцать лянов за раз?! Говори! Ты что, заложила свои вещи?! Если сейчас начать проедать последнее, что мы будем делать, когда станет еще хуже?! Как ты, ребенок, вытянешь такую ношу? То вроде разумная, а то совсем глупости творишь... Кхе-кхе-кхе!

Не успев договорить, дедушка закашлялся так сильно, что едва не выплюнул кровь. Чжэн Далян бросилась к нему, похлопывая по спине, и больше не смела спорить.

С тех пор, как бы они с сестрой ни умоляли его, даже ссылаясь на авторитет деда Ши, старик оставался непреклонен:

— Моя болезнь безнадежна, лекарство достается с трудом, оставьте его Саньчжу!

Когда старик упрямится, его не сдвинуть с места и девятью быками. Далян не могла связать деда и заставить его пить отвар, поэтому приходилось тайком подмешивать лекарство в еду, но она боялась переборщить, чтобы он не заметил, так что удавалось лишь поддерживать его состояние.

Вскоре болезнь деда обострилась: появились одышка, стеснение в груди и другие явные признаки астмы.

Астма — недуг крайне коварный даже в современном мире. Особенно во время приступа: без ингалятора или кислородной поддержки смерть практически неизбежна. В бедной семье древности это был приговор.

Однако дедушка выглядел подозрительно спокойным, словно давно ожидал такого исхода. Это заставило Далян задуматься: как простой старик, не знавший ни единого иероглифа, мог заранее поставить себе диагноз — астма, неизлечимая болезнь? Ответ пришел быстрее, чем она ожидала.

В ту ночь дедушка, мучившийся от удушья, внезапно притих, а его сознание прояснилось. Он велел Эрнян выйти, оставив наедине с собой только Далян.

У Далян появилось дурное предчувствие — как из-за странного состояния деда, так и из-за того, что он собирался сказать.

— Иди... в левый угол у стены, выкопай шкатулку... открой ее... — прошептал старик.

Чжэн Далян выполнила просьбу. Когда она развернула ткань, в которую была завернута шкатулка, то невольно открыла рот от изумления.

Это был прямоугольный ларец из тяжелого черного дерева, украшенный золотыми узорами в виде облаков. Твердый, как железо, гладкий на ощупь, он источал тонкий, не увядающий аромат. Это был редчайший сандал! Такая вещь стоила тысячи золотых! Далян дрожащими руками приподняла крышку.

На подкладке из первоклассного желтого шелка с узором дракона лежала прозрачная нефритовая подвеска. Взяв ее в руки, она почувствовала мягкое тепло — это был настоящий шедевр, редчайший самоцвет среди тысяч других.

На лицевой стороне подвески древним шрифтом был вырезан мощный иероглиф Цзинь, казалось, вот-вот готовый сорваться с камня и взлететь. На обороте же гордо красовались четыре знака: Повеление Небес.

Девять искуснейших пятикогтистых золотых драконов в разных позах обвивали подвеску — символ императорской власти, девяти и пяти.

Чжэн Далян пробрал холод. Она механически подняла взгляд на деда и увидела, что тот смотрит на нее, а в его глазах мерцал пугающий, зловещий свет.

— Подойди, присядь, — глухо приказал старик.

Сжимая шкатулку, Далян шаг за шагом приблизилась к внезапно ставшему чужим человеку.

Дедушка протянул сухую, как ветка, руку, крепко схватил Далян и, не заботясь о том, хочет она того или нет, принялся рассказывать о днях минувших.

Настоящее имя деда было Чжэн До. До — это колокольчик, используемый при оглашении указов, символ высшей власти закона.

Имя было данью надеждам его родителей, но он родился не в то время, когда рушилась династия, а чиновничество погрязло в крови и тьме. Чжэн До не стремился к власти, не желал ступить в этот хаос и, конечно, не мог пойти по стопам отца.

Его дед, Чжэн Ань, пользовался огромным уважением в исторических хрониках, люди называли его последним мудрым премьер-министром ушедшей эпохи. Если бы не его преданность государству, династия Цзинь давно бы превратилась в пепел. Крах двора императора Цзинь Юн-ди начался именно с того момента, как Чжэн Ань внезапно подал в отставку.

Что касается причин, по которым господин Чжэн Ань так внезапно покинул политический центр, ходили разные слухи: одни говорили, что его заслуги вызвали подозрения у императора, другие — что он понял: возрождение династии невозможно, третьи винили несправедливость императора, заставившую его охладеть душой...

На самом деле, даже Чжэн До не знал всей правды. Он помнил лишь, что незадолго до этого в их семье случилось страшное горе.

<http://bllate.org/book/19131/1878918>